

После его ухода я ещё раз наставила Фэн Шиляна, велев ему прилежно исполнять дела и не злоупотреблять властью, раз уж он стал дворцовым чиновником. Видя, как его плечи всё больше поникают и он вяло бормочет слова согласия, я наконец сказала: «Лю Хоудэ и остальные — люди с официальными должностями. Послужат у меня несколько лет, а потом, глядишь, переведутся куда ещё. Хоть и говорят о преданности мне, на деле они словно гости. Ты же другой. Раз матушка назначила тебя ко мне, значит, служить ты будешь мне всю жизнь. Я считаю тебя своим человеком и надеюсь, что и ты будешь видеть во мне госпожу. Не перенимай привычек чиновников из внешних ведомств, понял?»

Услышав это, Фэн Шилян снова оживился, наговорил с три короба о верности, получил от меня награду и удалился с сияющей улыбкой. Затем я позвала Сун Фою и объявила, что поручаю ей надзор за порядком.

Сун Фою, кажется, не ожидала, что я доверю ей столь важное дело. Она подняла на меня взгляд, и я, угадав её мысли, ободрила её, добавив в конце: «Госпожа Сун всегда была честной и прямой, к тому же у вас здесь самый долгий стаж. Надзор — дело ответственное, и я могу быть спокойна, только доверив его вам».

Сун Фою опустила голову, не выражая ни согласия, ни отказа. Опасаясь, как бы она не затаила обиду, я поспешила сказать: «Весь персонал вы будете подбирать сами. В доме, кроме меня и мужа, ваши распоряжения — закон. Муж пребывает во внешних покоях, и если в чём-то проявит недалёковидность, вы вправе действовать по своему усмотрению».

Вот тут Сун Фою действительно изумилась. Она уже открыла было рот, но я взяла её за руку и сказала: «Ваша безупречная репутация всегда вызывала у меня глубочайшее уважение. Ныне я живу одна за стенами дворца, муж мне не близок, слуги не преданы. Опора у меня лишь одна — вы. Умоляю, не отказывайте». В этих словах не было сплошной лжи. Мой статус высок, но я — женщина, и это мой изъян. К тому же я никогда не общалась с роднёй, да и управлением раньше не занималась. После отъезда из дворца я не только оказалась в изоляции, но и не успела утвердить свой авторитет. Не поставь я во главе дома зрелого и строгого человека, невесть во что могла бы превратиться моя усадьба. Мои недавние слова, возможно, и приструнили слуг на время, но без строгого надзора они бы лишь выдали мою слабость — дескать, госпожа только и может, что пустые угрозы метать, а на деле ничего не смыслит. Честно говоря, я и вправду «ничего не смыслю», но я — принцесса. Пусть я сама во многом невежественна, я всегда могу найти знающих людей, которые сделают всё за меня.

Была и ещё одна выгода в том, чтобы опереться на Сун Фою: её лично выбрала матушка. Пусть её положение и ниже, чем у А-Цин, Ваньэр и Туаньэр, матушка ей доверяет. Добровольно вручив ей бразды правления в своём доме, я косвенно давала матушке понять: мне нечего скрывать. Увидев Сун Фою здесь, матушка, скорее всего, перестанет примечать таких, как Сяньсянь или Сяолан, а значит, у них не будет возможности что-либо нашептать и выдать мои секреты. Сун Фою — натура сдержанная, характер прямой и непреклонный. Она не станет, как те юные девицы, болтать лишнего и терять чувство меры; узнай она, что кто-то разглагольствует, — строго накажет. Хоть с ней мне и придётся потеснить свою свободу, это всё же лучше, чем день за днём трястись от страха, опасаясь домашних изменников.

Раньше я терпеть не могла все эти хитросплетения, а теперь сама дни и ночи напролёт их обдумывала. Не то чтобы я не хотела обременять А-Хуань, но порой я думала: стоит мне столкнуться с проблемой, как я либо в панике бегу к А-Хуань, либо в смятении прошу совета у Цуй Мин-дэ. Это не только добавляет им забот, но и мне самой ни капли не помогает. А если однажды их не окажется рядом или случится нечто, с чем они не справятся? Я не проходила подобных испытаний, не знаю всех тонкостей — что я тогда буду делать? К тому же я и так

оставила в руках Цуй Мин-дэ предостаточно компромата, а она, судя по всему, не горит желанием плыть со мной в одной лодке. В важных делах рассчитывать могу только на себя.

Я изобразила перед Сун Фою жалобный, беспомощный вид, словно Лю Бэй, трижды призывавший Чжугэ Ляна. Но Сун Фою не заставила меня упрашивать трижды. Немного помедлив, она сказала: «Раз принцесса оказывает мне такое доверие, я не смею отказаться».

Я тут же велела объявить о назначении, чтобы весть достигла ушей всех — и внутренней челяди, и внешней. Сун Фою вновь нахмурилась, будто хотела что-то сказать, но в конце концов промолчала, лишь поклонилась мне и вышла, чтобы переговорить с Фэн Шилян.

Когда Сун Фою удалилась, у входа осторожно доложили о возвращении Чжэн Бо. Я опешила, взглянула наружу и увидела, что уже совсем стемнело. В главном зале зажгли два ряда светильников — в иных было три-пять десятков свечей, в иных всего шесть-семь. Одни были медные, другие золотые, большей частью — мои старые вещи из дворца, меньшей — добро, добавленное к свадьбе и переезду.

Самый большой светильник возвышался примерно на три больших *чи*, его ветви причудливо изгибались, и на них горело никак не меньше двадцати свечей. Обычно на таких светильниках используют тонкие свечи, но здесь стояли толстые, в детскую руку, свечи в виде лотосов. Один этот светильник заливал зал светом, будто в полдень. Его-то матушка и выбрала для моего приданого. Одних только земель и денег на наряды у меня было куда больше, чем у всех тётушек и бабушек. Да ещё отец с матушкой наложили в сундуки множество невиданных сокровищ из хранилищ. Боясь пересудов чиновников, в описи их записали как «позолоченную медь», но на деле они были отлиты из чистого золота, сплошь покрыты резными драконами и фениксами, причём ни один узор не повторялся. Говорят, на изготовление ушло несколько десятков *иней* золота. Даже во дворце Ли Даня не было столь роскошной вещи.

Докладывал знакомый слуга, лет шестнадцати-семнадцати, с нежными чертами лица и без единого волоска на верхней губе. Я вспомнила, что он был одним из тех двоих, кого Фэн Шилян отрядил на разведку. Отвечал он весьма учтиво, да и смыслённым казался. Чжэн Бо, должно быть, уже немало простоял за дверью, но слуга доложил о нём без малейшей торопливости, а склонившись передо мной, вёл себя крайне почтительно, не выказывая ни тени любопытства.

Я разглядывала большой светильник, краем глаза замечая, как тень Чжэн Бо мечется за дверью, но не спешила его звать. Взяла лежавшие для забавы маленькие золотые ножницы, хотела поправить пламя, но едва кончик коснулся огня, как свеча вспыхнула, и я отдернула руку. Чжэн Бо тут же рванулся в зал, с виноватым и озабоченным видом воскликнув: «Тайпин!» Слуга мгновенно поднялся с пола и встал между нами, тонким голосом промолвив: «У принцессы дела. Прошу подождать».

Чжэн Бо уставился на него, гневно спросив: «Ты кто такой, чтобы вести себя так в покоях госпожи?»

Я холодно взглянула на него. «Ты ошибся. Я тебе не госпожа. Это дом принцессы. Он — слуга, выбранный для меня дворцом, а не твой».

Чжэн Бо с изумлением посмотрел на меня, нахмурился и снова позвал: «Тайпин». В душе у меня не было и тени злости. Напротив, вспоминая, как мы жили с ним больше года после свадьбы, я даже чувствовала некую вину. Ли Жуй хоть пытался заигрывать с А-Хуань, а Чжэн Бо и вовсе был совершенно невиновен. Так, ни с того ни с сего, стал мужем принцессы, да ещё столько времени жил отдельно. По меркам нынешних мужчин он продержался весьма

достойно.

Жаль только, что он стал моим мужем. А я не хочу, чтобы он был хозяином в моём доме.

Я сжала губы, отвернулась и, не глядя на Чжэн Бо, сказала: «Я устала. Муж, можешь удалиться».

Лицо Чжэн Бо потемнело. Он опустил голову и лишь спустя несколько мгновений ответил: «Да».

Чжэн Бо вёл себя спокойно всю ночь: не приходил ко мне, не выказывал негодования, не бранился и не буянил. Наутро он тоже не вышел из дома — говорили, читает. Увидев это, я твёрдо решила ехать во дворец к матушке.

Дня собраний не было, и матушка с Ли Данем пребывали во дворце Шанъян. Ещё у дверей павильона я услышала матушкин смех. Войдя внутрь, увидела, что Ванъэр стоит на коленях рядом с Ли Данем, вся в чернилах — на лице, руках, платье. Сам Ли Дань тоже был вымазан с ног до головы, сиял улыбкой и глупо хохотал. А-Хуань и принцесса Цяньцзинь почтительно стояли рядом, улыбаясь в такт. А-Хуань, встретившись со мной взглядом, поднесла к губам чашку с чаем и, прикрыв лицо рукавом, улыбнулась мне уголком рта, показав ямочку на щеке. Сердце моё ёкнуло, но я сдержала улыбку и с невозмутимым видом подошла к трону, чтобы совершить поклон.

<http://bllate.org/book/16278/1467147>